

DOI: 10.12731/2077-1770-2016-4-2-142-150

УДК 165.9

МИФ В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ ЮРГЕНА ХАБЕРМАСА

Шутова Т.Н.

Цель. *Статья посвящена рассмотрению мифа в теории коммуникативной рациональности Юргена Хабермаса. Цель работы заключается в выявлении способов соотношения мифа и действия, понятого как действие коммуникативное.*

Метод или методология проведения работы. *В статье проводится концептуальный анализ понятия миф в контексте теории коммуникативного действия, обобщение его результатов. Используется принцип историко-философской реконструкции и принцип системности.*

Результаты. *В ситуации, когда истина перестает быть критерием достоверности, а на его место приходит адекватность соответствующему контексту, миф понимается как возможный контекст истины. Вывод статьи включает положение о соотносимости коммуникативного действия и мифа в теории Юргена Хабермаса.*

Область применения результатов. *Результаты исследования могут быть применены в научной и образовательной сферах. Поскольку действие есть орудие взаимодействия человека, мира и общества, то конкретизация понятия действие значима в решении как теоретических задач, так и индивидуальных, социальных, этических и политических проблем.*

Ключевые слова: *коммуникативное действие; коммуникация; интерсубъективность; миф; рациональность; язык.*

MYTH IN JÜRGEN HABERMAS'S THEORY OF COMMUNICATIVE ACTION

Shutova T.N.

Purpose. *The article points out the correlation between myth and*

action within Habermas's theory of communicate rationality.

Methodology. *The concepts of communicative action and myth are analyzed within the methodological scope of philosophical reconstruction and principle of systematicity.*

Results. *It is argued, that myth, understood as a possible context of truth, does not contradict with the principles of communicative rationality, because truth itself is no longer an undependable validity claim, but it rather complies and changes with the context.*

Practical implications. *The research's results might be widely used in academic and educational environments. Moreover, it is crucial to concretize the concept of action for solving not only theoretical issues, but also personal, social, ethical and political problems, since action is a medium through which man, society and world interact with each other.*

Keywords: *communicative action; communication; intersubjectivity; myth; rationality; language.*

Мифологический и рациональный типы мышления исторически сменяют друг друга, и в этом смысле противопоставляются друг другу. Продемонстрировать корреляцию мифа и рациональности позволяет интерсубъективное пространство коммуникации, ставшее предметом рассмотрения теории коммуникативного действия Юргена Хабермаса. В настоящее время концепция коммуникативного действия выглядит особенно актуально в связи с тем, что она раскрывает многочисленные аспекты взаимодействия людей, «в том числе в виде социально-философских и философско-правовых исследований, затрагивающих движение современного мира, в частности Европы, к единству континента и к глобальному объединению» [7, с. 20].

Отметим для начала, что Ю. Хабермас проблематизирует коммуникативную рациональность в контексте общественной системы, где коммуникация совершается. Субъект вступает в отношения с общественной системой либо внешним образом – то есть с «материальными ресурсами не-человеческого происхож-

дения», либо внутренним – «с органическим субстратом членов общества» [9, с. 20]. Вступая в отношение с внешней природой, субъекту необходимо технически применимое знание, правила, которые разуму требуется соблюдать: скажем, «правила для руководства ума» [4] или освобождение ума от «идолов познания» [1]. Инстанция разума, противопоставленного внешней среде, здесь носит инструментальный характер. Внутренняя природа общественной среды является внутренней же взаимосвязью элементов, устанавливаемой нормативно. Нормы в отличие от правил способствуют упорядочиванию элементов, а не присвоению или возделыванию внешней природы. Разум выявляет и легитимизирует нормы, соотносящие субъекта с другим субъектом и обществом, что возможно в коммуникативном пространстве. Если инструментальный разум стремится к истинному знанию, которое выражает внешнюю природу в ее объективности, то критерием достоверности для коммуникативного разума является адекватность (соответствие) элементов внутренней природы другим элементам. Отметим, что критерий достоверности у Ю. Хабермаса разворачивается как *притязание на значимость* в трех аспектах: как *истинность* асерторических предложений, *правильность* норм поведения и *правдивость* высказываний [8, с. 91]. Коммуникативный разум определяет нормативное поведение субъекта, и как субъекта мыслящего, и как поступающего, и как субъекта коммуникации в общественной системе. Теория коммуникативного разума является логичным выходом из инструментальной рациональности, характерной для эпохи модерна. Ю. Хабермас, в отличие от М. Хоркхаймера и Т. Адорно, не завершает проект критикой, а выводит его на новый уровень модерна. В тождестве мифа и Просвещения обнаруживается противоречие: любая попытка дезавуации мифа, «расколдовывания мира» [11, с. 17] сама оказывается мифом. Ю. Хабермас обходит это противоречие с помощью коммуникативного действия.

Субъект действия предвосхищает упорядоченную действительность коммуникантов. Для инструментального разума мир – это

случайность элементов, которые разум собирает согласно правилам по своему принципу, подчиняя их себе и приспособлявая под себя. Для него характерна «рефлексия определенного рода объективизации, являющейся неизбежной с учетом отношения между первым и вторым лицом, а также меняющейся мысленной перспективы наблюдателя» [10, с. 180]. Рассмотрение коммуникативного разума возможно с условно феноменологической позиции, когда мир выносится за скобки: «субъективность как самоотношение познающего и действующего субъекта предстанет тогда в виде взаимосвязи с саморефлексией на двух уровнях. Фигурант останется прежним, однако субъективности будет позволено занять место объекта» [10, с. 186]. Субъект уже не является наблюдателем со стороны, но сама субъективность сопряжена с действием. Здесь коммуникация выводится на первый план как интеракция субъективности, а действующий субъект сам является предпосылкой объективного мира. В определенном таким образом коммуникативном пространстве мы находим место мифу.

В «Философском дискурсе модерна» [10] миф читается как понятие, регулирующее диалог представителей франкфуртской школы на тему Просвещения, историко-философского проекта, критикуемого М. Хоркхаймером и Т. Адорно. Здесь надо понимать, что Просвещение есть и проект, который «выражает действительное движение буржуазного общества в целом с точки зрения олицетворяемой личностями и институтами его идеи» [11, с. 11], и индивидуальная практика познания. В XX веке миф становится актуальным концептом. Особенно после Второй мировой войны остро ставится вопрос идеологии и властных отношений, описывать который становится удобно в категориях мифа («Общество спектакля» [3], «Миф сегодня» [2], «Нацистский миф» [5] и т.д.). Символическая структура мифа используется для выражения идеологического дискурса, поскольку миф являет собой репрезентативную коммуникативную систему. Уже в 1991 году Ф. Лаку-Лабарт и Ж.-Л. Нанси в предисловии к «Нацистскому мифу» отмечали, что «миф всегда был мифом какого-нибудь события или пришествия,

мифом абсолютного, основополагающего События», такого события, в котором «поистине берет начало наше грядущее» [5, с. 12]. Просвещение и было таким событием, которое не воспринималось как миф, но привело к состоянию мифа.

Уместно спросить, откуда появляется миф сегодня, если социальное, политическое, научное, духовное в целом состояние европейской общности понимается как следствие Просвещения. Из этого проекта и появляется, поскольку сам он и есть миф. Хабермас критикует эту самозамкнутую логику М. Хоркхаймера и Т. Адорно, поскольку круг образует неразрешимое противоречие: как *критический* (курсив мой – Т.Ш.) проект Просвещения может развернуть критику на собственную слепоту о самоотждестве с мифом? Это тупик, который порождает депрессию общности, теоретически выраженную в честном витализме (смерти богов, субъекта, человека и т. д.) или в ее замещении «бездушным» позитивизмом. Естественной тогда кажется реакция раннего немецкого романтизма на Просвещение – искоренить миф из языка, и по указанной выше причине естественно и развитие этого замысла – последующий романтизм возвел миф в абсолютный источник вдохновения языка, а затем и в идеал универсального языка. С этого момента миф и Просвещение идут рука об руку.

Поскольку миф представляет собой коммуникативную систему, целесообразно рассматривать это понятие в контексте коммуникативной рациональности. Отметим, что миф – проблема, которая не интересует Ю. Хабермаса специально, однако можно задать, по крайней мере, два вопроса к теории коммуникативного действия в аспекте отношения к мифу: если в «Философском дискурсе...» критикуется принцип Просвещения, то в каком отношении будет находиться коммуникативный разум, как принцип нового этапа Просвещения, и миф, ранее отождествленный с самим Просвещением?; есть ли место для мифа в интересубъективном порядке коммуникативного действия, приписываемого современному либеральному обществу?

Юрген Хабермас не видит таких критериев, которые могут

описывать миф вне системы инструментального разума [12; 13]. Миф не обладает уникальными свойствами, а просто описывается теми же характеристиками, что и инструментальное мышление. Мифологическое мышление однако решает конкретные практические проблемы. То есть, с одной стороны, нет необходимости для мифа иметь полное и адекватное выражение в языке. С другой стороны, он полагает, что мифологическое мышление свойственно для «закрытых» сообществ, в которых сама система языка является закрытой, а значит, язык не устраняет собственные пробелы [12, с. 75]. В языке мифа отсутствует всякая дифференцированность – этим объясняется «раздраженность» [13, р. 102] человека модерна на миф. Таким образом, миф прочитывается в контексте инструментального мышления, а не уникальным для него способом, что может являться одной из посылок критики проекта М. Хоркхаймера и Т. Адорно. Внутренняя ошибка тождества мифа и *ratio* обусловлена их описанием как разных уровней инструментального мышления, т. е. здесь все же не тождество, а противоречие, выходом из которого может являться intersubъективное пространство коммуникативного действия.

Описание архаического мифа также выявляет два аспекта в корреляции мифа и действия. Во-первых, структуралисты отмечают, что для мифологического мировоззрения категория действия имеет конститутивное значение. Актер и способность действовать, интенция и постановка целей, успех и провал, активность и пассивность, атака и оборона – это все категории, в которых выражается фундаментальный опыт архаических сообществ – опыт незащищенности от неосвоенной среды, то есть все эти понятия выражают необходимость контролировать поток случайностей. Действие, иначе, собирает мифологическую действительность в некоторый порядок, поскольку действие и миф соответствуют в моменте праксиса. Таким образом, коммуникативная сущность мифа утверждает его в области коммуникативного действия, поскольку а) миф и действие разворачиваются в едином простран-

стве коммуникации и б) действие является характеристикой мифа по существу. Второй аспект связан с необходимостью различения мифа в области коммуникации. Все внутриплеменные связи родства, полов, поколений, не могут обосновываться только лишь категориями чистой мысли, равно как моделями описания, взятыми из природы. То есть проблема возникнет тогда, когда недифференцируемый внутри себя миф будет противопоставляться субъекту как объективное поле мысли (как это делали представители модерна). Напрашивается вопрос о дифференциации мифа в дискурсивном пространстве. Полагаем, что такая дифференциация возможна в качестве акторной дифференциации в дискурсе, который определяется действием.

Если истина как критерий достоверности нивелируется, а на место истины приходит адекватность референции, соотнесенность с контекстом, то миф понимается как один из возможных контекстов истины, он, как любое вероятно коммуникативное поле обладает потенциалом рациональности, понятой как действие. Миф не противоречит коммуникативной (в отличие от теоретической) рациональности, потому может являться областью коммуникативного действия.

Список литературы

1. Бэкон Ф. Сочинения. В 2-х томах. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
2. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс, 1994. С. 72–130.
3. Дебор Г. Общество спектакля. М., Логос, 1999. 224 с.
4. Декарт Р. Правила для руководства ума. 1628 // Декарт Р. Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 77–153.
5. Лабарт Л., Нанси Ж.-Л. Нацистский миф. СПб.: Владимир Даль, 2002. 80 с.
6. Михайлов И.А. О книге «Диалектика Просвещения». Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Часть 2: 1940–1973 годы. М., ИФРАН, 2010 // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. 21.03.2011.

- URL: <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>
7. Мотрошилова Н.В. Юрген Хабермас: что происходит с Европой? // Современная Европа. 2008. №4 (36). С. 19–32.
  8. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Спб.: Наука, 2001. 379 с.
  9. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. М.: Практис, 2010. 263 с.
  10. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Изд-во “Весь мир”, 2008. 416 с.
  11. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика просвещения. М.-Спб.: Медиум, Ювента, 1997. 313 с.
  12. Bertland A. Habermas and Vico on Mythical Thought // Perspectives on Habermas / Edited by Lewis Edwin Hahn. Open Court. Chicago and La Salle, Illinois, 2000, pp. 71–87.
  13. Habermas J. The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1984. 562 p.

References

1. Bacon F. *Sochineniya* [Collected Works]: 2 vols., vol. 1. Moscow: Mysl', 1971. P. 590.
2. Barth R. Mif segodnya [Myth today]. Bart R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika* [Collected Works: The Semiotics. Poetics]. Moscow: Progress, Universe, 1994, pp. 72–130.
3. Debord G. *Obshchestvo spektaklya* [The Society of the Spectacle]. Moscow: Logos, 1999. P. 224.
4. Descartes R. Pravila dlya rukovodstva uma. 1628 [Rules for the Direction of the Mind. 1628]. Descartes R. *Sochineniya* [Collected Works]: 2 vols., vol. 1. Moscow: Mysl', 1989, pp. 77–153.
5. Lacoue-Labarthe P., Nancy J.-L. *Natsistskiy mif* [The Nazi Myth]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', 2002. P. 80.
6. Mihajlov I.A. О книге «Диалектика Просвещения». Макс Хоркхаймер. Становление Франкфуртской школы социальных исследований. Част' 2: 1940–1973 гody [About the book „Dialectic of Enlightenment”. Max Horkheimer. Formation of the Frankfurt School of

- Social Research. Part 2: 1940–1973]. M., IFRAN, 2010. *Centr gumanitarnykh tehnologij*. 21.03.2011. <http://gtmarket.ru/laboratory/basis/5521/5528>
7. Motroshilova N.V. Jurgен Habermas: chto proishodit s Evropoj? [Jürgen Habermas: what happens to Europe?]. *Sovremennaja Evropa*. 2008. №4 (36), pp. 19–32.
  8. Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie* [Moral Consciousness and Communicative Action]. Saint-Petersburg: Nauka, 2001. P. 379.
  9. Habermas J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [Legitimation Crisis]. Moscow: Praksis, 2010. P. 263.
  10. Habermas J. *Filosofskiy diskurs o modern* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Moscow: “Ves’ mir”, 2008. P. 416.
  11. Horkhejmer M., Adorno T. *Dialektika prosveshcheniya* [Dialectic of Enlightenment]. Moscow-Saint-Petersburg: Medium, Juventa, 1997. P. 313.
  12. Bertland A. Habermas and Vico on Mythical Thought. *Perspectives on Habermas* / edited by Lewis Edwin Hahn. Open Court. Chicago and La Salle, Illinois, 2000, pp. 71–87.
  13. Habermas J. *The Theory of Communicative Action*. Boston: Beacon Press, 1984. P. 562.

ДААННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Шутова Татьяна Николаевна, аспирант

Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ул. Садовая, 21, г. Санкт-Петербург, 191023, Российская Федерация

shuttat@mail.ru

SPIN-код: 6631-1337

DATA ABOUT THE AUTHOR

Shutova Tatyana Nikolaevna, PhD student

Saint-Petersburg State University of Economics

21, Sadovaya Str., St. Petersburg, 191023, Russian Federation

shuttat@mail.ru

SPIN-code: 6631-1337